

..СЛЕПОЕ СЧАСТЬЕ..

У ВЫ! Число новых критических статей о том, что театру крайне нужны комедии и что зритель ужасно хочет смеяться, все еще обратно пропорционально числу новых комедий. Бедные театры маются. Ведь не одними «Стряпухами» до и после замужества жив человек. Хочется ему умной, веселой, острой — в общем, настоящей комедии.

А где ее взять?

«Мы нашли!», — заявили гости Читы — артисты Хабаровского краевого театра драмы. И привезли в наш город сразу три современных комедийных спектакля: «Чудесное превращение» В. Шаврина, «Слепое счастье» Г. Штейна и А. Кузнецова, а также «Верю в тебя» В. Коростылева. Последняя из этой троицы еще не видела света читинской сцены. Зато две первые уже перестали быть томительной тайной. О них и пойдет разговор.

ИДЕТ водевиль В. А. Шаврина «Чудесное превращение».

Мы привыкли, когда конференсье, диктор или, наконец, концертная программка сообщают: «У рояля — автор» или «Дирижирует автор». Но чтобы главную роль играл автор — это, сознайтесь, редкость. Особенно, когда речь идет об авторе комедии или водевиля. В этом случае драматург старается (по крайней мере на премьере) быть подальше от публики. По требованиям личной техники безопасности.

А отчаянный В. Шаврин — артист хабаровского театра и по совместительству автор двух идущих в этом театре пьес — не оробел и предстал перед нами в образе главного героя водевиля Антона Ягодкина, прозванного Туней Ядкиным.

И чудесно, что Шаврин не оробел! Потому, что читинцы давно не видели комического актера такой силы. Остро отточенное чувст-

во юмора, подкупающая органичность и легкость, с которыми действует в любых ситуациях Туня — Шаврин, вот неполный перечень сценического «оружия» Шаврина. Неполный потому, что артист демонстрирует еще и незаурядную технику мимики, вкрапливает в исполнение элементы пантомимы.

Я не пытаюсь даже описать, что и как делает Шаврин на сцене. Это обязательно надо видеть. Слышать мало! Ведь Шаврин играет так, что едва приметное подчас движение губ, глаз, рук, даже носорождают такие взрывы смеха, что диву даешься, как выдерживают их старенький зал нашего театра.

Нет, актер не ломается, не «коммунует» (есть такое словечко в закулисном словаре), не играет «на публику», что считается в театре сродни краже со взломом. Он просто искренне изображает и выявляет то смешное, а подчас и сложное, что сам, как драматург, заложил в свое веселое детище.

Да, можно с уверенностью сказать, что водевиль потускнел бы, не сумей режиссер М. Б. Шнейдерман соткать ажурной, легкой, изящной ткани спектакля, не придумай он множества оригинальных, порою неожиданных, мизансцен.

Водевиль, возможно, заставил бы зрителя и поскучать, не сумей артистка А. А. Сысоева так сердечно, весело и трогательно сыграть милую простушку и болтушку Феню Караул. А молодой актер А. И. Афанасьев — напористого бригадира Сашу Гурского. А артист М. М. Кацель — веселого мистификатора Марата Бережного, а А. С. Мостин — прямодушного и доверчивого Спартак Ситникова, а студийка Л. С. Костинникова — миленькую Асю Арбатову, а Т. Б. Камбурова — «соблазнительницу» Еву Курляндскую, а В. М. Кругликов — Бориса Рудакова...

Ух. Можно теперь перевести дух! Все персонажи, кроме «Подвыпившего гражданина», участвующего в интермедии (которой смело могло не быть в водевиле), названы. Исполнители тоже.

Водевиль многое проиграл бы также без легкого, очень ясного, хотя и условного, в прямом смысле играющего переносного оформления, созданного художником Б. И. Степным.

Но при всем при том «Чудесное превращение» — это водевиль

для одного актера, для одного настоящего мастера комедийного действия. Не окажись такого мастера в театре — и рухнул бы весь дом, распался бы на кусочки. Яркие или тусклые, но кусочки. И стала бы заметна некоторая подражательность отдельных из них...

К СЧАСТЬЮ, ничего не рухнуло. Ведь у театра есть Шаврин! И смех — веселый, неудержимый. — гремит в зале от начала до конца спектакля.

Лучшего театру, поставившему водевиль, и желать грешно. Драматургу — тем более!

Но, может быть, смех этот «нездоровый»? Какой-нибудь «утробный» или «физиологический»?

Нет, он очень здоровый! И громкий. И еще он не пустой. Этот смех, как не пуст водевиль, рассказывающий нам о необычной истории сознательного... лодыря Туни, не желающего «перековываться» под энергичным воздействием товарищей — строителей. Не желающего потому, что, перевоспитавшись, он станет, как все, а так он неповторим, исключителен. Так он — в центре лестного внимания всего коллектива!

Ситуация необычная, не правда ли? На то и водевиль, чтобы не пугаться необычных ситуаций. Зато

как задорно и весело позволила эта необычная коллизия, на которой поставлен водевиль, рассказать о крепкой дружбе нашей молодежи, о стремлении во что бы ни стало помочь товарищу стать лучше, о чистоте и благородстве молодых сердец.

В общем, успех. В общем, в театре гостей есть кому ставить и кому играть комедии.

Но я слышу ропот читинцев:

— А «Слепое счастье»? Это что — тоже «браво»?

Нет, это не «браво». Это совсем наоборот. Это плохо!

Слов нет, хабаровский театр

П О Д В Е Л О

понравился читинцам. Он завоевал их признание не только монументальными трагедийными полотнами, но и тонким психологизмом, острой современностью «Палаты» Алешина, веселостью «Чудесного превращения».

Тем больней и досадней было встретиться на его сцене с произведением рыхлым и унылым, плохо поставленным и уж вовсе плохо сыгранным. Именно таким досадным сюрпризом оказалось «Слепое счастье».

Нет нужды пересказывать содержание пьесы (остерегаюсь употреблять всуе слово «комедия»), знакомой множеству читинцев по оперетте «Три студента», виденной на сцене Иркутского театра музыкальной комедии. В общих чертах ее «идея» сводится к трем словам: «Покупайте лотерейные билеты!» А между этими словами три «бедные» студента-медика выигрывают по лотерейному билету «Волгу». От радости один из них немедленно становится негодяем (уже смешно?) И с помощью другого негодяя пытается продать зажулбанный билет двум другим негодяям. Попутно на сцене то появляется, то исчезает еще один негодяй, который маскирует свое моральное негодяйство громкими фразами, так как этот по-

следний негодяй — профессиональный... лектор (страшно смешно?).

Попутно положительные герои (два старика, два студента, девушка смутной биографии по имени Лика и девушка безупречной биографии по имени Галя) суетятся, ищут пропавший билет, звонят родственникам, пьют вино. В общем, ведут себя, как положено в оперетте. За исключением трагедийного момента, когда деда-садовода чуть не доводят до инфаркта.

Но все кончается «счастливым». Прежде всего для негодяев. Они уходят... по своим делам. Две пары целуются. Вместо «Волги» выигрывается швейная машина... А вечер убит. Наповал!

ПОЧЕМУ? Да потому, что пьеса, приемлемая в качестве опереточного либретто, беспомощна в качестве материала для театра, всерьез решившего ставить по ней комедийный спектакль.

Чувствуя фальшь ситуаций, режиссер Ю. В. Сазонов тщетно пытался сдобрить спектакль «смешными» трюками, вставными номерами, вроде «танца маленьких лебедей» в исполнении... трех рослых студентов. От этих режиссерских специй гасли авансом выданные театру улыбки на лицах зрителей. И было жаль, что превосходного артиста М. С. Храброва, очень приятную и лиричную артистку О. В. Мезину и их сотоварищей по спектаклю заставили ломать... простите, играть плохую комедию.

Зачем? Ради какой цели? Разве ради того, чтобы сказать: «Читинцы, мы умеем не только радовать зрителя. Мы умеем его и огорчать».

Но от такого высказывания можно и нужно было воздержаться. Особенно зрелому коллективу. Ведь именно таким зарекомендовал себя Хабаровский театр другими гастрольными спектаклями.

Н. ПОДРОЖАНСКИЙ